

**Фрагмент из воспоминаний Л.В.Розенталя "Непримечательные
достоверности" (Минувшее, 23. СПб., 1998, с.7-158).
Публ. Б.Рогинского**

9. [ЕЩЕ ИЗ «ЧЕРНОЙ ТЕТРАДИ»]

1. Трилистник (тоже — непристойности)

Утрата невинности

Стол был непомерно большой, резного золоченого дерева, с тяжелой мраморной доской. Вероятно — новодел. Но он хранил луикаторзную пышность, столь никчемную в современном быту. Доска была расколота. Его поставили посреди комнаты. Предполагалось, что заседания небольшого коллектива нашего отдела мы будем проводить, рассевшись вокруг этого мастодонта дворцовой мебели. Но он оказался совсем непригодным для этой цели. Ноги зацеплялись за барочные причуды его резных ножек и замысловатой крестовины. Он был непомерно высок. Мрамор охлаждал руки.

Партиец, руководивший нашим отделом, был человеком недалеким и чрезмерно деликатным в обращении с научными сотрудниками. Ему вредил опыт работы в Музыкальной студии Станиславского. Там в общении с Константином Сергеевичем требовалась особая обходительность. Но в отношении к нам она была излишней. На нашего осторожничавшего зава сыпались обвинения в недостаточности политической работы с ведаемым им беспартийным коллективом. Зав решил реабилитироваться и засадил нас за стол посреди комнаты.

Нам было предложено обсудить свое отношение к Непременному секретарю Академии наук Ольденбургу¹⁹⁴. Почему именно нам, не имевшим никакого отношения ни к Академии наук, ни к изучению Индии, надлежало спешно отозваться на арест ученого-востоковеда и почему вообще из всего нашего учреждения мы должны были быть в этом деле первыми, оставалось совершенно непонятным. Тогда все такое было еще в новинку, и мы недоумевали, зачем торопиться с осуждением, если человек только арестован, а судебного разбирательства еще не последовало.

Мы путались в каких-то полувопросительных репликах, оговорках. Вопрос ставился о нашем доверии органам государственной безопасности и вместе с тем о возможности доверять нашей собственной политической надежности. Мы мялись, боялись, а если вдруг кто-нибудь из нас исторгнет что-нибудь столь элементарно логичное, что оно лишь повредит и нам и столь корректному, удобному для нас заву. Ноги терлись о выгибы золоченого дерева; высоко поднятые руки, лежавшие на столе, охлаждал мрамор.

мор. Внутри каждого что-то дергалось. Но все же все сдерживались. И надлежащая резолюция была, наконец, вынесена.

Впоследствии Ольденбурга выпустили на свободу, но на должность неперменного секретаря он не вернулся. Мы же научились голосовать, не задумываясь, голосовать, как надо. Стол резного золоченого дерева с расколотой мраморной доской вскорости из-за его ненужности в нашем отделе от нас унесли.

Мудрость толстолица

Когда рабочий день кончился, нам предложили участвовать в демонстрации. Тут уж никак нельзя было уклониться. Шли по глубокому снегу, тому самому московскому снегу, который пахнет свежерезанным арбузом. Сумерки сгущались. Шли почти без задержек. Молодежь буйно веселилась. Особенно, пожалуй, комсомольцы. Пели песни. Всякие, даже озорные. Дом Союзов был весь в огнях. Там уж который день судили Промпартию¹⁹⁵. На балконе стояли ораторы. Они по очереди приветствовали проходящих мимо манифестантов. Выстроившись аккуратно по восемь человек в ряд, мы продефилировали мимо балкона. Этим мы выразили свое согласие с требованием высшей меры наказания для профессора Рамзина и его сообщников. Наше требование, однако, было признано чрезмерным: Рамзину¹⁹⁶ была дарована жизнь. Позже ему присудили Сталинскую премию¹⁹⁶.

Свершив свой гражданский долг, т.е. потребовав, чтобы убили человека, степень виновности которого не могла не вызывать сомнения, мы разошлись по домам. У меня в портфеле лежал заготовленный с утра сверток с чистым бельем, и я направился сначала в Центральные бани тут же рядом. Несмотря на вечерний час, там было просторно. Из-за демонстрации в баню пробраться удавалось немногим.

Смертного приговора главарям Промпартии мне пришлось еще раз потребовать на заседании Первого музейного съезда¹⁹⁷. Я сидел на верхних скамьях большой аудитории Политехнического музея. Рядом со мной Николай Николаевич Гусев¹⁹⁸ весь погрузился в чтение газеты. Когда он услышал, что дело подходит к принятию резолюции, осуждающей преступников наисуровейшим образом, он не спеша сложил газету, поднялся с места, попросил меня сберечь для него и газету, которую положил на сиденье, и самое место, а затем тихохонько вышел из зала, как будто за нуждой.

Жертвоприношение

Среди очертевшей безалаберщины совещания, на котором обсуждалась организация выставки к Первому музейному съезду, мелькнула не знакомая мне фигура старика. Серый костюм, серые от проседи волосы, очки, сидит отчужденно-спокойно, не спеша курит папиросу за папиросой, совершенно нечувствителен к тому вздору, что плетется вокруг него. Явно — немец, немец вплоть до кончиков аккуратно начищенных сапог. Кто бы это мог быть? Я заглянул в лист, на котором расписались присутствующие на совещании представители музеев. Почти всех других я знал¹⁹⁹ и потому без особого труда выяснил, кто это: Бруно Адлер²⁰⁰, Антропологический музей.

Что я знал о нем? Профессор с репутацией настоящего ученого, известного и за границей, работал в Казани. Мог бы стать директором Этнографического музея в Москве, но ему перебежал дорогу молодой Борис Матвеевич Соколов²⁰⁰; жил затем в Германии, издавал вместе с Максимом Горьким журнал «Эпоха». И еще — но уже по другой линии: жена и двое детей остались за границей, сам же он в Москве живет вдвоем с юношей, в которого по-настоящему влюблен, влюблен нерушимой стариковской любовью, живет в нужде, несговорчив, неуживчив, недавно изгнан из «Советской энциклопедии». Все, что касается его «другой линии», я узнал от своих приятелей, познакомившихся с ним на волжском пароходе. Он путешествовал с обожаемым им юношей и не очень-то скрывал своих нежных чувств к нему.

Профессором Бруно Адлером, чья интимная жизнь отличалась некоторым своеобразием, нельзя было не заинтересоваться. Уж очень резко самое его внешнее обличье выделялось среди всего окружающего. В залах, полных сутолоки по развертыванию выставки, передо мной еще раз мелькнула его невозмутимо спокойная фигура. Не выпуская папиросы изо рта, он не спеша и острожно нес какую-то гипсовую модель.

Его имя раздалось в последний день съезда. На кафедру взобрался представитель этнографической секции съезда и огласил выдержки из статьи Бруно Адлера, напечатанной в одном из немецких этнографических журналов. Журнал был тощенький, а статья обзорного характера, коротенькая. В ней обывательски кисло и бранчливо подводились итоги скудных достижений советской этнографической науки. Скороспелостям марксистских толкований противопоставлялись требования следовать подлинно научной методике. Похвалы достаивался один только академик Марр. Демократизация науки бралась под сомнение. А самая си-

стема советского университетского образования попросту осмеивалась.

Аудитория, умученная скучными отчетами других секций, заметно оживилась. В воздухе запахло кровью. Было ясно, что музейный съезд получил наряд на самоочищение и что жертва намечена. Газеты тех дней были заполнены отчетами о процессе Промпартии, и для всякого собрания, а тем более для многодневного съезда, стало обязательным выявление предателей в своей среде. И вот я в третий раз увидел Адлера. Пока читали злосчастную статейку, его серая фигурка стала медленно спускаться с верхних скамей амфитеатра и остановилась поблизости от меня в проходе. От этнографической секции было предложено заклеить клевету, а самого клеветника исключить со съезда²⁰¹. Председатель, соблюдая все правила справедливого судопроизводства, предоставил слово гражданину — уже гражданину, а не товарищу! — Адлеру.

«Гражданин» спокойно, робко и совершенно неубеждающе признавал свою ошибку. Он ссылался на давность написания статьи. Уверял, что принимал меры против ее запоздавшей на несколько лет публикации. Просил судить не слишком строго. Но «народному возмущению» уже был дан сигнал. Оно нарастало с неистовой силой. На кафедре вспорхнула не по возрасту вертлявая малорослая Роза Наумовна Фрумкина. Ей, видно, хотелось, а может быть, и нужно было выслужиться. Она ядовито указала на наличие в статье кое-каких сведений, относящихся уже к последним годам, обличала клеветника в противоречиях, во лжи. Адлер пропихивал было про свое тридцатилетнее служение науке. Пытаясь гневно возвысить голос, он ссылался на ненависть к нему восставших в Казани чехословаков, которые приговорили его к расстрелу. Но «народное возмущение» уже бушевало вовсю. Адлера урезонили, напомнив, что расстрел ему грозил вовсе не как защитнику Советской власти, а как немцу, стороннику кайзера.

Это шумел настоящий «гнев народный». Словно по разработанному заранее режиссерскому плану массового действия то в одном, то в другом конце огромной аудитории вставали представители разных республик, краев, областей. Говорил Азербейджан [Так! — *Публ.*], подала свой голос Украина, не сдержал гнева Узбекистан. Академик Марр старательно отмежевывался от своего хвалителя²⁰². Он заявлял, что статья Адлера позорна не только для 1930 г., но точно так же и для 1925 г., и для 1921 г. В этом была и правда, и вместе с тем это было неправдой.

Наконец буря стала стихать. Были выдвинуты три предложения. Во время их оглашения я оглянулся было на осуждаемого

преступника, но уже не увидел его. Серая фигурка как-то незаметно исчезла, словно растаяла.

Первое предложение — изгнать со съезда. Второе — изобличить ложь. Третье — сообщить о преступлении во все места, где работает осужденный. Председатель ставил резолюции на голосование весьма свирепо. Он одернул кого-то, замешкавшегося: «Вы что же, руку подымаете или голову чешете?» Зал загоготал. Выяснилось — нет, не чешет, голосует. Резолюции были приняты, после чего последовало: «А теперь гражданин Адлер должен покинуть собрание». Из публики кто-то крикнул в ответ: «Он уже смылся!» И музейные работники снова дружно загоготали.

Мне представилась тихонькая серая фигурка клеветника и классового врага. Вот он спускается по большим лестницам в обширную пустынную гардеробную, протягивает гардеробщику номерок от платья, натягивает на себя пальто, засовывает ноги в галоши, спускается еще ниже, к выходу, хлопает тяжелой дверью и исчезает в слякотных зимних сумерках. Все это мне представилось тогда с такой конкретностью, что сейчас уже кажется, будто я видел его уходящего воочию.

Позже рассказывали, что Горький, вернувшись из-за границы, помог Адлеру реабилитироваться. Так ли это было, не знаю.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹⁹⁴ Академик-индолог Сергей Федорович *Ольденбург* (1863-1934) 30 октября 1929 был отставлен от должности Непременного секретаря АН, которую занимал с 1904, в связи с начинавшимся «делом Академии наук». Арестован (см. ниже в тексте) он тогда не был (его единственный арест в сент. 1919 был связан с членством в ЦК кадетской партии и продолжался три недели). См. подробнее: Перченко Ф.Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991. С.204-209; Ананьич Б.В., Панеях В.М. Принудительное «соавторство»: К выходу в свет сборника документов «Академическое дело 1929-1931 гг.». Вып. 1 // In memoriam: Исторический сборник памяти Ф.Ф.Перченка. М.; СПб., 1995. С.90, 91, 102, 110.

¹⁹³ Фальсифицированный судебный процесс над группой инженерно-технической интеллигенции (Л.К.Рамзиным, В.А.Ларичевым и др.), обвинявшейся в создании подпольной антисоветской Промпартии, состоялся в Москве в ноябре—декабре 1930. Обвиняемые были приговорены к различным срокам заключения.

¹⁹⁶ Инженер-теплотехник, профессор Леонид Константинович *Рамзин* (1887-1948), осужденный по «делу Промпартии», был помилован ЦИК СССР в 1936. В 1943 стал лауреатом Сталинской премии.

¹⁹⁷ Первый Всероссийский музейный съезд проходил в Москве 1-5 декабря 1930. Резолюция о Промпартии была принята в первый день работы съезда сразу после вступительной речи М.С.Эпштейна и выборов рабочих органов. Выдержка из текста: «/.../Первый музейный съезд с отращением клеймит изменников и предателей из так называемой "Промышленной партии" и требует расстрела агентов финансового капитала и империализма». Резолюция была дополнена предложением о награждении ОГПУ орденом Ленина (Труды Первого Всероссийского музейного съезда. Т.1. М., 1931. С.14-15).

¹⁹⁸ *Гусев Николай Николаевич* (1882-1967) — искусствовед и историк литературы, секретарь Л.Толстого в 1907-1909, в 1930 — заведующий Толстовским музеем и архивом музея.

¹⁹⁹ *Адлер Бруно Фридрихович* (1874-?) — этнограф, в 1930 приват-доцент 1-го МГУ, действительный член Государственного Тимирязевского научно-исследовательского института.

²⁰⁰ *Соколов Борис Матвеевич* (1889-?) — этнограф, в 1930 директор Государственного Центрального музея народоведения (Этнографического музея) и заведующий отделом угро-финнов Восточной Европы, профессор 2-го МГУ.

²⁰¹ Осуждение съездом «выступления проф. Адлера в иностранной печати» состоялось 5 декабря. Статья Адлера «О современном состоянии науки о человеке в СССР» была напечатана в немецком журнале «Archiv für Anthropologie» в 1930. В ней речь шла о низком уровне антропологической науки в СССР, связанном с дезорганизацией в советское время научной работы, отсутствием инструментов и лабораторий, нищенским жалованием, пренебрежительным отношением к старым ученым, «не сумевшим приспособиться» и вынужденным «вымереть» от голода и эпидемий. Адлер признал ошибки, говоря, что статья написана 5 лет назад и напечатана без его ведома. Его уличали во лжи. В резолюции съезда сказано: «/.../ Помещение такой статьи в заграничном журнале является злостной клеветой по отношению к СССР и советской науке и в момент подготовки интервенции против Советского Союза объективно способствует идеологической мобилизации всех враждебных сил в капиталистических странах против социалистического строительства в СССР. Съезд клеймит позором предательский поступок проф. Адлера и постановляет исключить его из состава делегатов съезда. Съезд считает необходимым противопоставить статьям Адлера в иностранной печати информацию о действительном положении науки народоведения в СССР» (Труды... Указ. изд. С.225). Как явствует из последнего предложения, осуждение Адлера было косвенно связано с началом издания журнала «Советский музей».

²⁰² Из стенограммы: «*Март*: Я считаю, что раз съезд постановил, то не надо никаких оправданий. Если кто-нибудь поднимет вопрос, мы покажем документы. Если бы статья была написана в 1921 г., то это все равно, (апл.)» (Труды... Указ. изд. С.226).